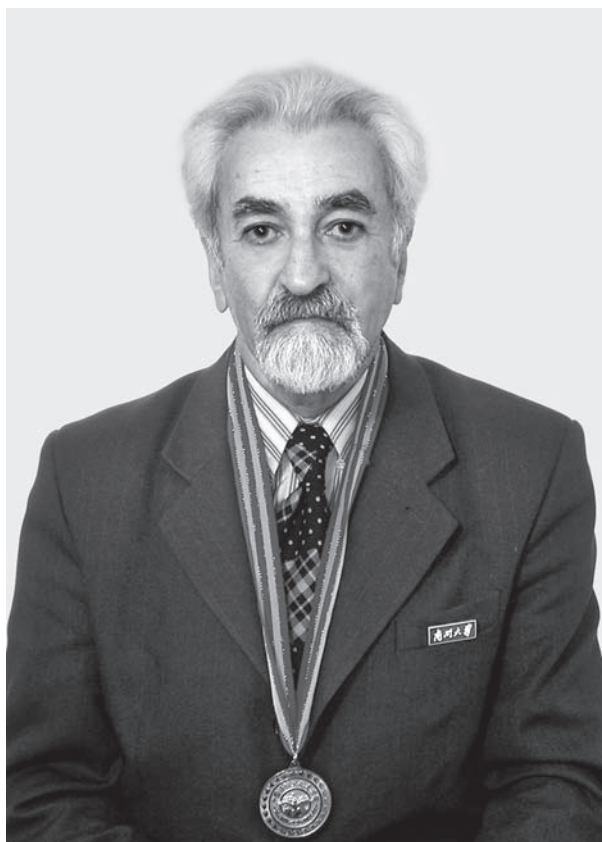

ПЕРСОНАЛИИ

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ ЛИ ФУЦИНА 75 лет академику Б.Л. Рифтину

Бориса Львовича Рифтина высоко почитают и чествуют по случаю юбилея его коллеги-востоковеды и друзья в Сибири и на Дальнем Востоке. Событие это побуждает обратиться к временам более чем полувековой давности, когда его Alma-Mater, восточный факультет Ленинградского университета, переживал беспрецедентный подъем: в первый год образования КНР учебные аудитории заполнили более двухсот студентов-первокурсников, историков и филологов, готовых приступить к изучению языка, литературы, истории и культуры великого соседа СССР на восточных рубежах – Срединного государства. Восторженный энтузиазм этих молодых людей не могло охладить даже суровое предостережение патриарха русского китаеведения акад. В.М. Алексеева. В первый день учебы он пугал «зеленых новобранцев» сложностями овладения иероглификой и тонкостями тональности разговорного языка Поднебесной, утверждая, что из двухсот сидящих в актовом зале, быть может, двое или трое смогут когда-нибудь правильно произнести простейшее слово – название города Тяньцзинь. Если бы так все и случилось, то одним из этих двух-трех избранных несомненно стал бы Б.Л. Рифтин, наделенный уникальной языковой талантливостью, трудолюбием и усидчивостью. Он начал с того, что каждый год в каникулярные месяцы выезжал на юг Средней Азии, где настойчиво приобщался к живому разговорному языку китайцев. Это и стало первым шагом к активному освоению бесчисленных «поднебесных премудростей».

В данной статье нам хотелось бы сосредоточиться на значении творчества Б.Л. Рифтина для отечественного и мирового востоковедения. О вкладе Б.Л. Рифтина в исследование классической литературы Китая, а также Кореи, Монголии и Вьетнама уже писали его коллеги-литературоведы [Сорокин, 1992; Серебряков, 2007]. В соответствии с профилем нашего журнала мы обратим особое внимание на работы Б.Л. Рифтина, посвященные изучению мифологии и фольклора, а также на его этнографические изыскания. Впрочем, между этими составляющими его творчества никогда не существовало жестких границ. В трудах Б.Л. Рифтина убедительно показано (в основном на китайских

материалах), что фольклор не только является основой профессиональной литературы, но и продолжает взаимодействовать с ней, вбирая в себя литературные сюжеты и персонажи, адаптируя их к потребностям традиционной культуры.

В одной из статей Б.Л. Рифтин сравнивает изучение древних мифов с работой археологов и реставраторов, которые сначала выявляют фрагменты реальности, а затем реконструируют по ним культуру общества, существовавшую много веков назад [1987, с. 379]. Это сопоставление имеет для исследователя не только образное, но и несомненное методическое значение, поскольку в своих изысканиях он использует всю совокупность письменных и архивных источников, а также новые фольклорные материа-

лы, собранные в ходе полевых экспедиций*. Еще в студенчестве Б.Л. Рифтин начал записывать сказки и предания дунган (потомки китайских мусульман-хуэй, переселившихся в Среднюю Азию). Позже эти записи составили основу для сборника «Дунганские народные сказки», выпущенного в серии «Сказки и мифы народов Востока». В нем оригинальные тексты сопровождаются глубоким анализом сюжетов с широким привлечением сопоставительных материалов [Дунганские народные сказки..., 1977]. Сейчас готовится китайское издание этой книги; в самом Китае немногие ученые занимаются подобными сравнительными исследованиями. Во время стажировки в Пекине (1965–1966) Борис Львович изучал тексты сказителей *шошуды*, исполнявших варианты исторической эпопеи «Троецарствие» (многие из них существенно отличались от опубликованного текста), и даже составил словарь их профессиональной терминологии. Ему удалось не только проследить генетические связи между устной и письменной литературой, но и показать устойчивое взаимодействие этих двух видов художественного творчества на протяжении древности, средневековья и нового времени. Б.Л. Рифтин первым в мировой науке описал структуру китайского прозаического сказа и разработал методику сопоставления сказа с романом.

Комплексное изучение книжных и устных вариантов позволило Б.Л. Рифтину наметить решение т.н. проблемы эпоса в Китае. Действительно, в китайском фольклоре нет единого цикла, построенного вокруг подвигов одного героя, такого как Одиссей или Гэсэр; однако многочисленные эпические мотивы и в фольклоре, и в письменной литературе, и в драме в совокупности выполняли те же функции, что и развитый эпос Европы и Центральной Азии. Именно Б.Л. Рифтин поставил вопрос о развитии эпоса в китайском фольклоре и доказал (в рамках своей докторской диссертации, опубликованной в виде монографии), что эпические сказания в Китае прошли путь от исторических преданий к развитым формам сказа, «взаимодействуя на всех этапах развития с книжной, особенно исторической литературой, в свою очередь, испытывавшей постоянное влияние устной традиции» [1970, с. 8].

В 1970-х гг. от информаторов из Внутренней Монголии, где существовала собственная богатейшая эпи-

ческая традиция, Б.Л. Рифтин и его коллеги записали «книжные сказания» (*бэнсэн улигэр*), в которых народные сказители использовали сюжеты классических китайских романов – непосредственно и в различных переложениях [Неклюдов, Рифтин, 1976].

В ходе командировки в 1987 г. во Вьетнам (здесь, кстати, была переведена и издана его книга о «Троецарствии») Б.Л. Рифтину с помощью вьетнамских коллег удалось выявить архаичные варианты мифа о Ны Оа (Нью-ва) и связать их с обрядами повышения плодородия полей, практикующимися в сельских районах до современности [Рифтин, 1988а]. Такое комплексное использование различных видов источников (нарративных, фольклорных, этнографических) способствует более полному раскрытию содержания традиционной духовной культуры и ее влияния на современное общество.

В 1990-х гг. Б.Л. Рифтин работал в университетах Тайваня. Насыщенную преподавательскую деятельность он совмещал с большой исследовательской работой. Приступив к переводу на китайский язык «Словаря диалектов северных цоу», составленного в конце 1920-х гг. выдающимся российским востоковедом Н.А. Невским, Борис Львович обследовал современные условия жизни этого народа и отметил утрату многих этнографически значимых терминов [Рифтин, 1992]. В течение нескольких лет Б.Л. Рифтин руководил большим исследовательским проектом «Сбор и сравнительное изучение фольклора аборигенов Тайваня». Один из престижных китайских (тайваньских) университетов пригласил его для преподавания и изучения мифологии Китая. В ходе экспедиционных исследований удалось зафиксировать много новых легенд и мифов, в т.ч. их очень архаичный пласт, без последующих наслоений. Б.Л. Рифтин опубликовал собранные тексты, а также издал написанную на их основе монографию «Мифы и рассказы о злых духах: Сравнительное изучение мифов и сказок аборигенов Тайваня» – наиболее масштабную работу по данной теме почти за полуторавековой период исследования. Не случайно она вышла двумя изданиями (в Тайчжуне и Пекине), объединив таким образом ученых с обеих сторон Тайваньского пролива (подробнее см.: [Кучера, 2000; Азаренко, Комиссаров, 2005]). В одном из предисловий, написанном проф. Е Шусянем, отмечается значение книги для дальнейшего изучения фольклора населения не только Тайваня, но и многих народов Южного Китая, которые имеют австронезийское происхождение. Тайваньский проф. Ху Ваньчуань, автор другого вступления к книге, подчеркивает значительный вклад Б.Л. Рифтина в разработку методологии изучения фольклора аборигенов, в творческое применение комплексного сравнительно-исторического подхода к анализу сотен сюжетов. Методологическая

*Экспедиции в Среднюю Азию также подтолкнули Бориса Львовича к созданию крупного историко-этнографического исследования. В статье монографического плана Б.Л. Рифтин убедительно доказал, что формирование классической музыкальной культуры Китая происходило при значительном среднеазиатском влиянии – вплоть до прямого заимствования музыкальных инструментов, мелодий и танцев [1960].

значимость работы Б.Л. Рифтина особенно заметна на фоне, возможно, и эффективных, но эвристически малоэффективных рассуждений о различиях «литературной антропологии» и «антропологии литературы», которые поддерживаются некоторыми китайскими авторами. Он на практике использует возможности структурно-типологического метода, наиболее полно реализованного при изучении фольклора именно в российской историографии. Во многих работах, опубликованных на китайском языке, Б.Л. Рифтин подробно излагает взгляды своих учителей – В.Я. Проппа, В.М. Жирмунского, Е.М. Мелетинского, а также наиболее известных зарубежных методологов, таких как А. Леви-Брюль и К. Леви-Стросс. К этому его вынуждает следующее обстоятельство: хотя труды всех перечисленных выше исследователей уже давно стали классикой мировой фольклористики и переведены на многие языки, однако с ними до сих пор мало знакомы китайские исследователи. Отсюда – разноречивой и путаницей в терминологии. Приводя различные формулировки разных авторов таких базовых понятий, как «миф», Б.Л. Рифтин пишет с несвойственной ему резкостью о том, что фольклористика – такая же наука со всемирным статусом, как любая другая естественно-научная или гуманитарная дисциплина, поэтому в рамках одной страны не может быть особых толкований понятий «миф» или «легенда», так же как не существует специально для Китая созданного определения электричества [Ли Фуцин, 2001, с. 32]. Одной из важных задач его публикаций, на наш взгляд, является преодоление методологической самодостаточности китайских коллег.

Многие работы Б.Л. Рифтина, изданные в Китае, знакомят научную общественность стран «Большого Китая» с достижениями российских ученых в области фольклористики и литературоведения (в широком смысле термина). Нам доставляет особое удовольствие отметить, что одна из статей подробно представляла серию «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [Ли Фуцин, 1992]. Своего рода апофеозом такой культуртрегерской деятельности Б.Л. Рифтина можно считать издание библиографии литературы на иностранных языках по мифологии всех народов, населяющих Китай, а также имеющих с ними тесные этногенетические или культурно-исторические связи [Ли Фуцин, 2007]. Она помогает китайским исследователям в поиске необходимых сопоставительных материалов при изучении фольклорных традиций, например, тюркских, монгольских или тунгусоязычных народов. Впрочем, данное издание не менее полезно и для ученых других стран. Особенно выделяются своими размерами и представительностью японский и российский разделы, причем в последнем представлены работы многих сотрудников, бывших и нынешних, ИАЭТ СО РАН:

А.П. Окладникова, Е.И. Деревянко, А.И. Мазина, А.М. Сагалаева, Ю.С. Худякова, В.Д. Кубарева, Д.В. Черемисина, Т.И. Кашиной, В.В. Евсюкова, С.А. Комиссарова, А.В. Варёнова и др. Будем надеяться, что данное издание будет способствовать знакомству наших зарубежных (в т.ч. китайских) коллег с важными публикациями на русском языке.

Успеху культуртрегерской работы способствуют изысканный китайский язык, на котором последние 20 лет Б.Л. Рифтин предпочитает писать многие свои произведения, а также абсолютно китайское по звучанию и написанию имя Ли Фуцин, под которым он публикуется. Многие китайские ученые просто не могут поверить, что столь глубокие по проникновению в мельчайшие подробности духовной культуры Китая произведения мог написать иностранец, и искренне считают Ли Фуцина своим соотечественником. Его работы становятся естественной частью китайской науки. Впрочем, не зря говорится, что недостатки часто являются продолжением достоинств. Работы Б.Л. Рифтина последних лет оказываются малодоступными для российских ученых, поскольку большинство из них издается в основном на китайском языке. Например, из обширного собрания материалов по мифологии тайваньских аборигенов на русском языке опубликована лишь небольшая часть (сокращенный перевод одной из глав его монографии см.: [Рифтин, 1998]). Думается, что перед учениками и последователями Б.Л. Рифтина сейчас стоит важная научная задача – перевести на русский язык работы учителя, тем самым «репатрировав» их в отечественную синологию.

При всей широте научных интересов Б.Л. Рифтина основу его деятельности составляет именно изучение китайских мифов. В этом мы видим сознательный выбор ученого, оценившего уникальность китайской ситуации в данной области духовной культуры и ее значение для развития сравнительного исследования мифологии в целом. Он прекрасно понимал, что из-за конфуцианского рационализма древнекитайская мифология сохранилась хуже, чем египетская, индийская или греческая, поэтому ее основные сюжеты необходимо реконструировать, в частности с привлечением археологических данных (например, находок из ханьских могил Мавандуй и т.п.) [Рифтин, 1988а, б, с. 14–16]. Но эта же особенность благоприятствовала исследователям: благодаря развитой письменной традиции Китая до наших дней дошли многочисленные мифологические подробности, которые у большинства народов оказались утраченными или существенно деформированными в ходе исторического развития. Добросовестные китайские историографы стремились фиксировать явления во всем многообразии, даже если истинный смысл описанного оставался для них непонятным.

Обилие письменных источников обеспечивало полноту данных, невиданную для большинства других этносов. Почитание традиций сохранило мифологические сюжеты в фольклоре, обрядах, произведениях искусства, которые дошли до наших дней и отчасти продолжают воспроизводиться на современном этапе, что позволяет реконструировать утраченное значение исходных мифологем.

Механизмы воздействия мифологии на общественное сознание Б.Л. Рифтин детально исследовал на примере способов изображения персонажей в классической китайской литературе. Он показал, что «у истоков литературного образа стоит изображение, складывающееся еще в период активного мифотворчества» [1979, с. 306]. В народной литературе XII–XIV вв., которая восходит к устному эпическому творчеству, портреты героев создаются по тому же принципу, что и древнейшие мифологические изображения первопредка, связанные с тотемическими верованиями. Черты «звериного облика» переходят в романы-эпопеи средневековья, хотя воспринимаются уже как метафоры; эта традиция сохраняется и при переходе к литературе нового времени.

В обобщающей статье, написанной для энциклопедии «Мифы народов мира», Б.Л. Рифтин не только представил многочисленных персонажей и сюжеты древнекитайской мифологии, но и показал, как они участвовали в формировании своеобразной религиозной (буддистской и даосской) и поздней народной мифологии, влияли на художественную культуру [1980]. Это масштабная работа неоднократно переиздавалась как в рамках энциклопедии, так и отдельно на различных языках, включая китайский; Б.Л. Рифтин (в составе коллектива авторов) стал лауреатом Государственной премии СССР. Борис Львович постоянно обращается к методикам сравнительного анализа, уделяя особое внимание общим темам в мифологии китайцев и соседних народов [2007].

Параллельно с научным изучением фольклора Б.Л. Рифтин занимался переводом и изданием сказок для массового читателя. Впервые опубликованная 50 лет назад книга «Китайские народные сказки» неоднократно дополнялась и переиздавалась (последнее издание см.: [Сказки Китая, 2007]). Исследуя эту форму фольклора, Б.Л. Рифтин подчеркивает ее связь с древней мифологией. Читатель не всегда может расшифровать спрятанный в сказке миф, но ощущает его мощное эмоциональное воздействие. То наименее сочетание двух планов, которое стремится создать современная проза (в рамках направления т.н. магического реализма и т.п.), в сказке заложено изначально. В ней воплощены многие этнические особенности. Специфику имеют не только имена и географические названия, но и многочисленные детали быта и культуры в целом. Читая и рассказывая

сказки, народы лучше узнают друг друга. К числу важнейших характеристик Китая как государства можно отнести его многонациональность, поэтому Б.Л. Рифтин постоянно включает в свои сборники сказки не только ханьцев, но и тибетцев, тайцев, корейцев, узбеков, хуэй, ли, мяо и яо. Все вместе они помогают лучше представить этнокультурное развитие страны во всем его богатстве и многообразии.

Достижения Б.Л. Рифтина в области изучения китайской мифологии и фольклора позволяют выделить его работы в особый историографический этап, суть которого – в соединении всей полноты письменных источников (включая классическую литературу) с полевыми фольклорными и этнографическими материалами и в их комплексном изучении на основе методологии, разработанной в рамках российской школы структурно-семантического анализа. За выдающиеся заслуги Б.Л. Рифтин отмечен многими наградами, в т.ч. золотой медалью «За исследование китайского языка и культуры», специально учрежденной Правительством КНР для награждения известных иностранных синологов (этой чести удостоено всего десять ученых), а также почетным дипломом Союза писателей Китая «За выдающиеся достижения в переводе, изучении и распространении китайской литературы».

Список литературы

- Азаренко Ю.А., Комиссаров С.А.** Мифология тайваньских аборигенов: По страницам монографии чл.-кор. РАН Б.Л. Рифтина // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2005. – Т. 4, вып. 3: Востоковедение. – С. 227–235.
- Дунганские народные сказки** и предания / зап. текстов и пер. Б. Рифтина, М. Хасанова и И. Юсупова; отв. ред. Б. Рифтин. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1977. – 572 с. – (Сказки и мифы народов Востока).
- Кучера С.** [Рецензия] // Восток (Oriens). – 2000. – № 1. – С. 195–201. – Рец. на кн.: Ли Фуцин (B. Rifting). Цун шэньхуа дуй гуйхуа. Тайвань юаньчжуминь шэньхуа гуши бицзяо яньцзю {From Myths to Ghost Stories. Comparative Studies on Taiwan Aboriginal Tales}. – Тайчжунши: Чэньсин чубаньшэ, 1998. – 362 с. – (Тайвань юаньчжуминь силе; № 26).
- Ли Фуцин** (Рифтин Б.Л.). Сиболия цзи Эго Юаньдун дицой чжи миньцзу миньцзянь вэньсюэ цуншу [О серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»] // Далу цзачжи. – 1992. – Т. 85, № 6. – С. 1–8 (на кит. яз.).
- Ли Фуцин** (Рифтин Б.Л.). Шэньхуа юй гуйхуа – Тайвань юаньчжуминь шэньхуа гуши бицзяо яньцзю: Цзэн дин бэнь [Мифы и рассказы о злых духах – сравнительное изучение мифов и сказок аборигенов Тайваня: Изд. доп. и расширен.]. – Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2001. – 6, 7, 3, 3, 4, 23, 410 с. (на кит. яз.).
- Ли Фуцин** (Рифтин Б.Л.). Чжунго гэ миньцзу шэньхуа яньцзю вайвэнь луньчжу мулу [Библиография произведений на иностранных языках по изучению мифов различных

народов Китая]: (1839–1990). – Пекин: Бэйцзин тушугуань чубаньшэ, 2007. – 29, 3, 223 с. (на кит. яз.).

Неклюдов С.Ю., Рифтин Б.Л. Новые материалы по монгольскому фольклору // Народы Азии и Африки. – 1976. – № 2. – С. 135–147.

Рифтин Б.Л. Из истории культурных связей Средней Азии и Китая (II в. до н.э. – VIII в. н.э.) // Проблемы востоковедения. – 1960. – № 5. – С. 119–132.

Рифтин Б.Л. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае: (Устные и книжные версии «Троецарствия»). – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1970. – 482 с. – (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Рифтин Б.Л. От мифа к роману: Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1979. – 360 с., ил. – (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Рифтин Б.Л. Китайская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1980. – Т. 1. – С. 652–662.

Рифтин Б.Л. О китайской мифологии в связи с книгой профессора Юань Кэ // Юань Кэ: Мифы Древнего Китая. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1987. – С. 378–477.

Рифтин Б.Л. Китайская мифология в Юго-Восточной Азии // Роль фольклора в развитии литератур Юго-Восточной и Восточной Азии. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1988а. – С. 14–47.

Рифтин Б.Л. Древнекитайская мифология и средневековая повествовательная традиция // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока: (Алексеевские чтения). – М.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1988б. – Ч. 2. – С. 230–239.

Рифтин Б.Л. У народа цоу: Через 64 года после Н.А. Невского // Восток. – 1992. – № 5. – С. 107–116.

Рифтин Б.Л. Предания о злых духах в фольклоре аборигенов Тайваня // Восточная демонология: От народных верований к литературе. – М.: Наследие, 1998. – С. 44–60.

Рифтин Б.Л. Китайская мифология // Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 5 т. – М.: Вост. лит., 2007. – Т. 2: Мифология. Религия. – С. 16–77.

Серебряков Е.А. Член-корреспондент РАН Борис Львович Рифтин: (К 75-летию со дня рождения) // Изв. РАН. Сер. Литературы и языка. – 2007. – Т. 66, № 6. – С. 61–65.

Сказки Китая / сост., пер. с кит., вступит. ст., коммент. Б. Рифтина. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 400 с. – (Bibliotheca mythologica).

Сорокин В.Ф. Борис Львович Рифтин: К 60-летию со дня рождения // Изв. РАН. Сер.: Литературы и языка. – 1992. – Т. 51, № 5. – С. 88–89.

**А.П. Деревянко, В.Е. Ларичев,
С.А. Комиссаров**